

Резиденция князя Юйсянь

Цзян Цзибай стоял на коленях — прямой как стрела, напряжённый до предела. Перед ним восседал князь Юйсянь, Цзян Юнь, чьё лицо дышало с трудом сдерживаемым гневом, а чуть поодаль, храня холодное спокойствие, устроилась его сестра, удельная княжна Юньшань.

— Осознал ли ты свою вину? — сурово выговорил Цзян Юнь.

— Нет, — твёрдо и отчётливо ответил Цзян Цзибай.

— Совсем страх потерял! — Князь вскочил, с маху хлопнув ладонью по столу. — Прекрасно ведь знал, что я собираюсь породниться с домом Ло! И всё равно избил их мальчишку! Я ради этого, по-твоему, учил тебя боевым искусствам — чтобы ты на улицах драки затевал? Род Ло уже прислал жалобу прямо к нам на порог! Что теперь делать прикажешь?

— Он оскорбил Вэнь Бая, — бросил в ответ Цзян Цзибай. — Разве за такое не бьют?

— Разве так бьют?! — Цзян Юнь вновь обрушил руку на стол. — До меня дошли слухи, что этот юнец из рода Ло теперь и подняться с постели не может! Если об этом пойдёт молва, куда мне девать своё старое лицо?!

— Их семейка просто раздувает слухи, — холодно парировал Цзян Цзибай. — Я приложил силу, но не настолько, чтобы покалечить.

— В любом случае зачинщиком был ты, — князь Юйсянь потёр лоб и нахмурился. — Позже соберёшь подношения и отправишься в резиденцию графа Гуанчэн, чтобы принести извинения.

Цзян Цзибай, уставившись в пол пустым взглядом, отрезал:

— Не пойду.

— До чего же ты стал спесив! — взревел Цзян Юнь. — Принести плети!

Цзян Цзибай вскинул голову и прямо встретил тяжёлый взгляд отца, даже не дрогнув в лице.

Цзян Юньшань заметно смягчилась. Сделав шаг вперёд, она мягко, тщательно подбирая слова, вмешалась:

— Отец...

— И не думай за него заступаться! — Князь со смесью ярости и горького разочарования уставился на сына. — Сколько раз я наказывал тебе: не заносись, умири гордыню... Куда только всё делось? Если ты уже сейчас попираешь людей, пользуясь силой, то что же будет дальше? Возомнил, будто несколько милостивых слов Его Величества делают тебя тем безупречным мужем, каким он тебя расписал? Да он ведь всего лишь...

Цзян Юнь резко оборвал себя на полуслове. Его грудь тяжело вздымалась, а во взгляде, устремлённом на сына, сквозила глубокая тревога. У Цзян Цзибай мелко дрогнули брови — было видно, что юноша сдерживает себя из последних сил.

— Я никогда не считал себя лучше других, — Цзян Цзибай крепко сжал кулаки, выдавливая из себя слова медленно, сквозь зубы. — Каким я был прежде, каков я сейчас... разве я сам когда-либо это решал?

В глазах Цзян Юня что-то дрогнуло.

— Тебе есть что добавить в своё оправдание?

Цзян Цзибай вскинул голову, и в его глазах вспыхнул яростный, колющий блеск:

— Я не попираю никого своей властью. Ло Юйфэй первым начал травить Вэнь Бая, и я поступил так, как считал должным. Но то, что вы, отец, называете меня... спесивым... Неужели вы и впрямь так думаете?

"Я никогда не просил у Его Величества никаких щедрот! А нынешняя слава... разве я могу просто отмахнуться от неё, если она мне не нужна?"

Князь Юйсянь ошеломлённо застыл. Глядя на коленопреклонённого сына, он почувствовал, как к горлу подкатывает горький ком противоречивых чувств.

Цзян Цзибай, не желая больше ронять ни единого слова, глухо обронил:

— Если отец желает наказать меня, я приму кару без лишних разговоров.

Цзян Юньшань мягко вклинилась в разговор:

— Отец, утихомирьте гнев. Этот молодой господин Ло и впрямь известен своим скверным нравом и вечно задирает тех, кто слабее. Полагаю, А-Янь вовсе не совершил какого-то неслыханного злодеяния.

— А как же его помолвка с Юйфу? — нахмурился Цзян Юнь.

Цзян Юньшань удивлённо приподняла брови:

— Неужели барышня Ло так пришлась вам по сердцу, отец?

Князь устало потёр переносицу и вздохнул:

— Девчушка кажется мне кроткой и послушной. Из таких выходят добрые хозяйки, умеющие блюсти семейный очаг.

Цзян Юньшань снисходительно улыбнулась:

— Послушания ей не занимать, это правда, но насчёт ведения хозяйства я бы поспорила. Юйфу ещё слишком юна, капризна да избалована. На мой взгляд, они с А-Янем совершенно не подходят друг другу.

— Вот как? — Князь нахмурился ещё сильнее, растерянно разведя руками. — Сама же поначалу ратовала за этот союз, а теперь поёшь совсем иное. С чего вдруг такие перемены?

— Отец, вы и без того обременены государственными заботами, так что позвольте мне взять на себя эти мелкие домашние неурядицы. А-Янь просто изнурён подготовкой к экзаменам, оттого и сорвался на дерзость. — Юньшань налила отцу чашу горячего чая и ласково добавила: — Не стоит разрушать семейный лад из-за чужаков. Оно того не стоит.

"Если вы чувствуете неловкость перед семейством Ло, я сама соберу щедрые дары и нанесу визит в резиденцию графа Гуанчэн. Что же до А-Яня... пусть посидит взаперти и поразмыслит над своим поведением. Встречаться с пострадавшим ему сейчас точно не с руки"

Гнев князя понемногу утих. Юньшань бережно усадила его обратно в кресло:

— К вечеру к вам должен пожаловать помощник министра наказаний, господин Линь. Не желаете ли подготовиться к его визиту? А с А-Янем я поговорю сама.

Цзян Юнь поднялся. Проходя мимо Цзян Цзибая, он на мгновение задержал шаг и тяжело опустил ладонь ему на плечо:

— Цзибай, не держи на меня зла за резкие слова, но есть вещи, которые ты обязан усвоить. Чем выше человек поднимается, тем отчётливее он должен понимать, где его место. Загляни в себя и подумай: соответствуют ли твои нынешние помыслы и добродетели той славе, что гремит вокруг твоего имени?

Договорив, князь медленной, тяжёлой поступью покинул покои.

Цзян Цзибай понимал, что в словах отца кроется сермяжная правда, но от этого на душе становилось лишь горше. В груди клокотала глухая, удушливая обида.

"Я не превозносился над другими, не злоупотреблял силой и уж точно не искал выгоды в своей славе... Так почему же? — с горечью размышлял он. — Почему любая моя оплошность мгновенно раздувается до смертного греха, а близкие спешат повесить на меня ярлык зазнавшегося гордеца?"

— Поднимайся уже, — Цзян Юньшань коснулась его плеча, побуждая встать. — Отец беспокоится о тебе. Пусть он высказался излишне резко, но зерно истины в его упрёках есть.

— И только из-за этого я должен безропотно во всём с ним соглашаться? — Цзян Цзибай поднялся и принялся раздражённо стряхивать пыль с широких рукавов, всем своим видом выказывая упрямый протест.

Цзян Юньшань молча всматривалась в его лицо, а затем тихо произнесла:

— Что-то ты в последнее время стал больно вспыльчивым. Взрослеешь? Ну да, к исходу года тебе минет семнадцать. Прекрасная пора — самый возраст для того, чтобы не знать ни удержки, ни страха перед небом и землёй.

Цзян Цзибай замер, прикрыл на миг глаза и глухо выдавил:

— Я просто... многого не понимаю в здешних порядках.

— Тебе и не нужно понимать, — отрезала Юньшань, не сводя с него пристального взгляда. — Твоё дело — подчиняться. Когда этот возраст минует, ты сам поймёшь, какими глупыми и ничтожными были твои метания. Поверь, А-Янь, твоя старшая сестра никогда не желала тебе зла.

Она протянула руку, собираясь ласково коснуться его щеки.

Цзян Цзибай уклонился от её ладони и резко развернулся к выходу:

— Вот как? Что ж, тогда и поговорим, когда я стану старше.

Рука Юньшань так и зависла в воздухе. Спустя мгновение она медленно опустила её и проводила удаляющуюся фигуру брата холодным, бесстрастным взглядом.

— Глупец, — едва слышно обронила она.

Министерство наказаний

Сумерки медленно опускались на город. Вэнь Бай сидел на каменных ступенях крыльца, борясь с одолевающей его дремой, как вдруг сквозь сонный туман до него донёсся тихий, вкрадчивый шёпот:

— Сяо Бай?

Вэнь Бай поморщился и на всякий случай заткнул уши пальцами:

— Отправьте кого-нибудь другого. Я за сегодня и так набегался, ног под собой не чую.

— Да проснись же ты, Сяо Бай! Дело к тебе спешное, — не унимался настойчивый голос.

Вэнь Бай с досадой разлепил веки:

— Ну кого там ещё принесло?

— Меня, кого же ещё!

Перед ним стоял круглолицый парень в расшитом шёлковом доспехе стражника. С трудом сдерживая зевоту, Вэнь Бай лениво протянул:

— Брат Пин, чего тебе?

Этого малого звали Чжан Пин. Он служил командиром пяти стражей — влиятельная родня пристроила его во дворец просто переждать смутные времена да побить баклуши. Чин его, конечно, был повыше, чем у безродного писаря Вэнь Бая, но заносчивостью парень не отличался.

Отрекомендованные ведомству императорских банкетов стражи его десятка несли караул у дворцовых врат. Вэнь Бай же то и дело шнырял по переходам со свитками и донесениями, выкраивая свободные минутки для отдыха. Чжан Пин тоже не дурак был профильтровать службу. На этой почве они быстро спелись, сперва перемигиваясь при встречах, а затем и вовсе сойдясь накоротке.

— Сяо Бай, гляди, какую диковинку я тебе припас, — заговорщически прошептал Чжан Пин,

протягивая аккуратный бумажный сверток.

Вэнь Бай развернул бумагу и обнаружил внутри несколько на редкость изящных пирожных.

"Понятно, пришёл просить о чём-то, — мысленно усмехнулся он"

— Хе-хе, Сяо Бай, это же из самой императорской кухни! Обычному люду такое и за мешок золота не сыскать. Еле исхитрился раздобыть парочку, специально для тебя сберёг — побалуйся сладеньким, — заискивающе затараторил Чжан Пин.

Вэнь Бай без церемоний закинул одно пирожное в рот и, прожевав, прервал излияния:

— Ладно тебе, брат Пин, выкладывай начистоту. Мы не первый день знакомы, к чему эти расшаркивания?

Чжан Пин застенчиво потёр ладони:

— Ну, раз уж ты сам заговорил... И впрямь есть у меня к тебе одна деликатная просьба.

Вэнь Бай потянулся всем телом и небрежно бросил:

— Ну же, выкладывай.

— Понимаешь, сошёлся я тут с одной девицей... Договорились мы с ней нынче вечерком погулять по ночному рынку. Мой караул должен был закончиться ещё в час Овцы, но тут как гром среди ясного неба — указ сверху! Ночью во дворце намечается пиршество, и меня внезапно перевели в оцепление. Ну не проклятье ли?!

— А-а, — протянул Вэнь Бай с хитрым прищуром. — Хочешь, стало быть, чтобы я отстоял за тебя ночную смену?

— Хе-хе... Выручишь, Сяо Бай? Тебе ведь не в тягость?

— Отчего же нет? — Вэнь Бай размашисто похлопал приятеля по плечу. — Как в народе говорят: лучше разрушить десять храмов, чем одну свадьбу. Ступай спокойно охмурять свою красавицу, брат Пин, а дворец я на себя возьму.

Чжан Пин от избытка чувств стиснул Вэнь Бая в медвежьих объятиях:

— Вот удружил! Знал же, что на тебя можно положиться! В долгу не останусь, Сяо Бай, случись что — сочтёмся!

— Да полно тебе... — Вэнь Бай со смехом высвободился из его рук и полюбопытствовал: — Брат Пин, а с чего вдруг опять пир? Кажется, только на днях ведь гуляли?

— Эх, — Чжан Пин закатил глаза и, воровато оглядевшись, зашептал на ухо: — У благородной наложницы Шу нынче день рождения. Государь велел усыпать всё цветами да созвать гостей. Говорят — скромный семейный ужин, а как по мне — обычная блажь, лишь бы угодить заморской чаровнице.

Вэнь Бай понимающе кивнул.

По заведённому укладу устраивать пышные празднества в день своего рождения позволялось лишь вдовствующей императрице да законной супруге государя. Тот факт, что император Хундао пренебрёг священными канонами ради благородной наложницы Шу, наглядно доказывал её безграничную власть над сердцем правителя.

При мысли о благородной наложнице Шу в памяти Вэнь Бая всплыл Тоба Цзяюй. Раз его старшая сестра купается в такой роскоши и почёте, значит, и самому юноше больше не приходится владеть столь жалкое существование. По крайней мере, хотелось на это надеяться.

И тут Вэнь Бая осенило: раз пиршество объявлено семейным, то и Цзян Цзибай непременно будет среди приглашённых! Со времени их нечаянной встречи в "Ресторане Редких Вкусов" прошло уже немало дней, и он успел изрядно соскучиться по другу.

Когда луна поднялась в самый зенит, из глубин императорского сада донеслись переливы флейт и звон лютней. Цзян Цзибай неторопливо сошёл с подножки экипажа и привычным движением разгладил складки на широких рукавах. На мгновение он замер, вслушиваясь в долетающие отголоски музыки, и на его лице промелькнуло явное неудовольствие.

— Наследный принц! Ох, наконец-то вы здесь, — к нему, запыхавшись, подбежал слуга, вынырнувший из боковой аллеи. — Удельная княжна уже вовсю вас ищет.

— Понял, — небрежно отозвался Цзян Цзибай. — Веди.

Слуга поспешил вперёд, покачивая тусклым бумажным фонарём, а Цзян Цзибай мерил шагами дорожку позади него, ничуть не заботясь о спешке.

Вдруг из темноты раздался звонкий девичий голосок:

— Братец Цзибай!

Цзян Цзибай остановился и обернулся на звук. Чуть поодаль, возле только что остановившейся кареты, служанки бережно поддерживали под локти барышню Ло Юйфу, помогая ей спуститься на землю.

Заметив его, Ло Юйфу замахала рукой и торопливо выкрикнула:

— Подожди меня, братец Цзибай! У меня есть к тебе дело!

Цзян Цзибай вежливо склонил голову:

— Барышня Ло.

Ло Юйфу устремилась к нему, но её многослойный праздничный подол то и дело путался под ногами. Нахмутив тонкие брови, она в сердцах подобрала пышные юбки обеими руками и припустила бегом:

— Братец Цзибай... Да постой же ты... подожди!

Видя её мучения, Цзян Цзибай повернул обратно и сделал несколько шагов навстречу:

— Что случилось, барышня Ло?

Оказавшись в нескольких шагах от юноши, Ло Юйфу с облегчением отпустила подол платья:

— Братец Цзибай... Ой!

Но едва шёлк коснулся земли, как она вновь наступила на край и покачнулась. Теряя равновесие, девушка полетела вперёд. Цзян Цзибай среагировал мгновенно — выставил руку, перехватывая её за предплечье и не позволяя упасть, но при этом с безупречным изяществом избежал ненужных, слишком вольных прикосновений.

— Осторожнее, — негромко произнёс он, плавно убирая руку.

Ло Юйфу застыла, во все глаза глядя на стоявшего перед ней юношу.

"Каким бы боком я на него ни смотрела — статный, благородный, обходительный... Идеальный жених, о каком только грезить можно! И за какие такие грехи столь безупречному мужу суждено было питать пагубную слабость к собственному полу?"

На сердце у молодой барышни Ло мгновенно легла тяжёлая, беспросветная тоска.

<http://bllate.org/book/19392/1979437>